

ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА МЯКУШИНЪ.

СЕКРЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

УРАЛЬСКЪ.

Войсковая Типографія.

1903.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ

ВЕРХНЕ-УРАЛЬСКИЙ ВОЙСКО

Печатается по распоряжению г. Наказного Атамана Уральского каз. войска.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОУЧЕБНОЕ

УЧЕБНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
В. А. КОЛЕСНИКОВ
1903.

КИРГИЗЪ-КАЙСАНИ.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію экспедиціи, я скажу нѣсколько словъ о грозномъ когда-то Монгольскомъ племени, потомкахъ Чингизъ-хана, нынѣшнихъ обитателей обширныхъ степей Урала, Сибири и Туркестана — киргизами. Съ этими полудикими кочевыми народами, какъ извѣстно, и шла у Уральскихъ казаковъ цѣлая столѣтія упорная, кровавая борьба —

„..... въ защитѣ граничныхъ береговъ
Осторожевого, быстрого Яика *).

Широкое пространство къ сѣверо-востоку отъ р. Урала и Каспійскаго моря, между южными предѣлами Западной Сибири, западнымъ берегомъ Аральскаго моря и Хивой — извѣстно подъ именемъ Киргизской степи.

Первоначально населеніе степи состояло изъ кочующихъ киргизскихъ племенъ, которыя составляли одинъ народъ, говорившій однимъ языкомъ, жившій на обширной территоріи и имѣвшій одного общаго повелителя — хана. Одинъ изъ этихъ хановъ — Алачъ, вскорѣ послѣ паденія Чингизъ-ханова царства, раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, отчего и образовались орды — Большая, Средняя и Малая.

Большая орда кочевала преимущественно въ предѣлахъ нынѣшняго Туркестанскаго края; Средняя занимала степныя области Сибирскаго вѣдомства, а Малая или зауральская орда находилась въ степныхъ пространствахъ нынѣшнихъ Тургайской, Уральской и Закаспійской областей и состояла изъ трехъ главныхъ поколѣній: Алимскаго, Байлынскаго и Семиродскаго (джиты-руу), распадавшихся въ свою очередь на 25 родовъ. Къ первому изъ поколѣній принадлежало шесть родовъ: китинскій съ отраслью уджираевцевъ, чумакеевскій, чаплинскій, дюртгаринскій, караса-

*) Выдержка изъ стих. Н. О. Савичева.

каловскій и каракияковскій. Ко второму—адаевскій, байбактинскій, алачинскій, маскарскій, кызылкуртовскій, черкешскій, исыковскій, бершевскій, исентемирскій, яппасскій, алтынскій, тазовскій (тазларовскій)*). Къ третьему—табынскій, съ отраслю чумышли-табынцевъ, таминскій, кердеринскій, кирейтскій, ромадановскій, телеувскій и джигалбайлинскій.

Каждый изъ этихъ родовъ опять-таки дробился на отдѣленія, такъ напримѣръ: чиклинцы имѣли отдѣленія—Кабакова, Назарова, Джикеева, Джапкычева, Джакаймова, Чуренева, Тлякова и Киргизова. Отдѣленія имѣли подъ-отдѣленія, отрасли, части и т. д.

Высшій классъ составляли султаны, потомки владѣтельныхъ хановъ. Они, какъ люди, принадлежавшіе по своему происхожденію къ бѣлой кости, т. е. къ потомкамъ Чингизъ-хана, не причислялись ни къ одному изъ этихъ родовъ, а вели свою родовую особу.

Такъ какъ киргизы кочевали только лѣтомъ, а зиму проводили на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, то сообразно съ этимъ и самое жителство ихъ въ степи опредѣлялось слѣдующимъ образомъ, собственно въ Уральской области:

По р. Илеку по Новоилецкой линіи и по Уралу до Иртекского поселка—Табынцы и Таминцы.

По Уралу отъ Кирсановской до Кожехаровской станицъ зимоваль родъ кердеринскій.

Далѣе до Тополинскаго поселка слѣдовалъ родъ байбактинскій.

Къ востоку отъ этого послѣдняго рода, въ камышахъ озера Кара-куля жили Маскарцы, а противъ Кулагинской станицы—Кызылкуртовцы.

Внизъ по Уралу, отъ Баксайскаго пос. до Сарайчиковскаго—Бершевы.

По Каспійскому морю противъ Гурьева-городка шли Черкешцы и Тазовцы.

Къ востоку отъ Урала, по верховьямъ Уила зимовала часть отдѣленія чиклинскаго рода—Чуреневцы, другая часть которыхъ занимала камыши въ заливахъ на сѣверо-восточномъ берегу Ка-

*) Часть Байлинскаго поколѣнія въ началѣ XIX столѣтія со своимъ султаномъ Букеемъ перешла въ Астраханскую губ., гдѣ и образовала особую Внутреннюю или Букеевскую орду.

спійскаго моря. Вмѣстѣ съ Чуреневцами въ верховьяхъ Уила, а также въ Баркинскихъ пескахъ и по Сагизу зимовали Уджираевцы; ниже Баркина, къ устьямъ Уила—Исентемировцы.

Далѣе въ пескахъ Тайсугана—Китинцы, а нѣсколько сѣвернѣе, противъ Калмыковской станицы, по р. Якши-баю—Алачинцы.

Затѣмъ, по устьямъ р.р. Уила, Сагиза и частью по р. Эмбѣ шли зимовки Иссыковцевъ.

Потомъ отъ уроч. Кондарала къ верховьямъ Эмбы—Назаровцы, а противъ Кондарала, въ горахъ Джилтау, за Эмбой—Каракилаки. Тутъ же, по лѣвому берегу Эмбы и по Усть-Урту, въ пескахъ Асмантай-матай и Самъ и далѣе вплоть до Хивинскихъ предѣловъ жили Чумышли-табынцы, а еще далѣе, на Бузачи и Маишилакѣ—Адаевцы. Часть Адаевцевъ, Балакши или Ятаки, т. е. киргизы, никогда не перекочевывающіе, проводили зиму въ низовьяхъ Эмбы.

Остальные роды: Алтынцы, Рамадановцы, Телеуvcы, Каракаскаловцы и частью Яппассцы, Дюрткаринцы и нѣкоторые другіе зимовали на р. Сыръ-Дарьѣ.

Въ началѣ XVIII столѣтія Россія почти не вмѣшивалась во внутреннюю жизнь киргизскаго народа, стараясь только отстранять его набѣги и обезпечивать свои торговыя сношенія со Среднею Азіей.

Поставленные во главѣ управленія ханы дѣйствовали почти безконтрольно, не разъ измѣняли Россіи и были главными виновниками смутъ и безпорядковъ между киргизами. Это послужило поводомъ къ тому, что въ 20-хъ годахъ ханское достоинство было упразднено, и вся степь Оренбургскаго вѣдомства раздѣлена была на три части, съ подчиненіемъ каждой особому султану-правителю. Въ сущности-же дѣло отъ этого нисколько не выиграло, потому что султаны-правители, хотя и подъ контролемъ правительственныхъ лицъ, оставались все тѣми-же киргизскими ханами, съ тою лишь разницею, что прежде степь управлялась однимъ, а теперь ею завѣдывали три самовластныхъ лица, не пользовавшіеся къ тому-же расположеніемъ народа. Нагляднымъ доказательствомъ недружелюбнаго отношенія къ султанамъ правителямъ, можетъ служить то, что для охраненія ихъ во время лѣтняго передвиженія по степи необходимо было снаряжать особый конвой, состоявшій обыкновенно изъ коннаго отряда ураль-

скихъ или оренбургскихъ казаковъ. Самыми воинственными изъ всѣхъ поименованныхъ кочевниковъ были киргизы адаевского рода, хищнически-воинственные, смѣлые только при барантахъ и грабежѣ каравановъ. Грабежъ и легкая нажива служили у нихъ единственнымъ одушевляющимъ началомъ, а это, конечно, не могло сдѣлать народа храбрымъ и неустрашимымъ. Лихіе наѣзники, они не задумывались садиться на самыхъ бѣшеныхъ и дикихъ лошадей, но не умѣли сражаться пѣшкомъ, а потому и не обладали въ бою ни малѣйшею стойкостью.

Всѣ эти свойства не мѣшали, однако, имъ наносить самому храброму неприятелю чувствительный вредъ, если не въ открытомъ бою, то захватомъ у него безоружныхъ людей, угономъ табунновъ, при малѣйшей оплошности часовыхъ, грабежомъ обозовъ и т. п. Съ плѣнными киргизы обходились вообще съ меньшей жестокостью, нежели другіе азіаты, но эта хорошая черта пробуждалась не столько добросердечіемъ, сколько корыстью, желаніемъ, какъ можно выгоднѣе продать плѣнниковъ въ рабство на хивинскихъ или бухарскихъ рынкахъ.

Пограничная линія, устроенная по р. Уралу, не вполне прикрывала край отъ набѣговъ хищниковъ, и нижнее теченіе Урала по прежнему оставалось открытымъ, вслѣдствіе чего являлась необходимость устроить линію и на нижнемъ теченіи рѣки.

Въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія здѣсь были заложены двѣ крѣпости Калмыковская и Кулагинская, которыя въ свою очередь дали начало форпостамъ, такъ называемой Низовой линіи и образовали укрѣпленную цѣпь постовъ, раскинувшихся въ обѣ стороны Уральскаго, тогда Яицкаго городка, — внизъ до Каспійскаго моря, гдѣ находился укрѣпленный Туревъ-городокъ, перешедшій тогда въ вѣдѣніе Яицкихъ казаковъ, и вверхъ до Иртецкаго форпоста, откуда начинались уже пикеты Илецкихъ казаковъ, соединявшіе въ свою очередь Иртецкій форпостъ съ Разсыпною крѣпостью. Третья линія была устроена по р. Сакмарѣ; она начиналась Сакмарскимъ городкомъ и шла черезъ крѣпости Пречистевскую и Воздвиженскую по направленію къ Верхне-Озерной.

Разбои и нападенія киргизовъ однако-же не прекратились. Зачинщиками всего этого были хивинцы, которые подстрекали

киргизовъ не только на грабежи каравановъ, но и на нападенія на линію, въ особенности на нашихъ рыбопромышленниковъ, для захвата плѣнныхъ и продажи ихъ на хивинскихъ рынкахъ.

Нападенія эти Адаевцы совершали обыкновенно такимъ образомъ: замѣтивъ русскихъ рыболововъ гдѣ-нибудь безопасно стоявшихъ въ морѣ, хищники, скрываясь въ лодкахъ, для отвлеченія подозрѣнія выставляли свои рыболовные снасти, а потомъ, выждавъ попутнаго вѣтра, поднимали паруса и быстро налетали на намѣченные жертвы, причемъ захватывали и людей и все лучшее на суднѣ; самое-же судно или разбирали на дрова, или оставляли на морѣ. Захваченную такимъ образомъ добычу отправляли на продажу въ Хиву, или оставляли у себя въ неволѣ.

Правительство вначалѣ надѣялось смирить киргизовъ, посылая отряды для наказанія ихъ за грабежи и разбой, но неудачи, которыми сопровождались подобныя экспедиціи, убѣдили, что эта мѣра мало дѣйствительна. Тогда началось занятіе Илецкаго района; посылка-же въ степь торговыхъ каравановъ производилась не иначе, какъ подъ прикрытіемъ военного конвоя.

Въ 1824 году отправился первый караванъ въ Бухару, подъ прикрытіемъ отряда въ 500 человекъ, но караванъ этотъ былъ разграбленъ въ степи.

Опытъ, какъ видно, не удался, а между тѣмъ дерзость киргизовъ вросла до того, что они, пользуясь нашей слабостью, стали производить набѣги уже на линію: отгоняли казачій скотъ, нападали на казачьи форпосты, расположенные даже по правую сторону р. Урала и стали похищать русскихъ не только на линіи и на Каспійскомъ морѣ, но и въ окрестностяхъ большихъ городовъ—Оренбурга, Уральска и Гурьева.

Чтобы устроить разбой и нападенія, отъ которыхъ особенно страдали наши рыбные промыслы, лѣтомъ 1833 г. устроено было на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго моря первое русское укрѣпленіе, названное Ново-Александровскимъ *).

Для прикрытія остальныхъ границъ правительство придумало громадное сооруженіе, именно провести непрерывный валъ со рвомъ, на подобіе Китайской стѣны, который тянулся-бы вдоль

*) Вслѣдствіи это укрѣпленіе было перенесено на Мангышлакскій полуостровъ къ Тюль-Караганскому заливу и названо сперва Ново-Петровскимъ укрѣпленіемъ, а потомъ Александровскимъ фортомъ, существующимъ и по настоящее время.

всей степной границы, не имѣющей естественнаго прикрытія. Къ работамъ этимъ приступили было въ 1836 году, — часть вала была окончена, но киргизы все еще не унимались.

На этотъ разъ поводомъ къ неудовольствію послужило отмежеваніе у киргизъ земель для казачьихъ поселеній новой Оренбургской линіи и произведенный въ видѣ опыта сборъ податей въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ кибитки. Мѣры эти вызвали неудовольствіе среди кочевниковъ, которые стали собирать новыя шайки и вападать уже не только на мирныя киргизскіе аулы и нашу пограничную линію, но и грабить караваны, нападать на рыбопромышленниковъ по побережью моря, въ окрестностяхъ самаго Ново-Александровскаго укрѣпленія.

КОМАНДИРОВКИ И НАБѢГИ КАЗАКОВЪ.

Въ продолженіе XVIII столѣтія и въ особенности первой половины XIX столѣтія, ежегодно командировалось за р. Ураль, вглубь киргизской степи для усмиренія мятежныхъ киргизъ, возвращенія взятыхъ въ плѣнъ людей, для конвоированія торговыхъ каравановъ и дипломатическихъ миссій и, наконецъ, для службы при бывшихъ султанахъ-правителяхъ, въ качествѣ конвоя, отдѣльныя большіе и малые отряды казаковъ отъ 100 до 1000 человекъ, смотря по надобности и цѣли командировки. Отряды эти обыкновенно уходили съ линіи Урала ранней весной и возвращались обратно поздней осенью.

Въ особенно экстренныхъ случаяхъ казаки собирались и меньшими командами, человекъ 10—50 и съ винтовками въ рукахъ, или даже безъ ружей, съ однѣми пиками да чекушками, переплывши на своихъ бударкахъ черезъ Ураль, а верховыхъ лошадей перегнавъ вилавъ, пускались въ степь въ погоню за хищниками киргизами для возвращенія взятыхъ съ линіи въ плѣнъ людей, или возвращенія угнанныхъ казачьихъ лошадей.

Увлекаясь погонею за хищниками, казаки удалялись отъ линій настолько, что оставляли свои головы въ киргизской степи въ далеко неравномъ бою съ врагами. Доставалось въ свою очередь и киргизамъ отъ казаковъ, — попавшіеся въ руки рѣдко отпущались живыми.

Въ половинѣ XIX столѣтія частые, смѣлые грабежи и разбои

кочевниковъ истощили, наконецъ, терпѣніе нашего правительства и принудили его принять болѣе рѣшительныя мѣры къ обузданію дерзкихъ хищниковъ.

Для наказанія нужны были мѣры грозныя и быстрыя, которыя на этотъ разъ и были примѣнены съ успѣхомъ.

СЕКРЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Въ концѣ 1836 г. приказано было снарядить экстренную экспедицію къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, гдѣ хищники, прикрываясь въ зимнее время сплошною массою рослаго по берегамъ камыша, находили себѣ пристанище для своихъ ауловъ.

Военныя силы, которыми располагалъ тогда Оренбургскій край для дѣйствій противъ киргизовъ, состояли, кромѣ двухъ пограничныхъ казачьихъ войскъ Оренбургскаго и Уральскаго, еще изъ линейныхъ батальоновъ, расположенныхъ въ г.г. Оренбургѣ, Орскѣ, Уральскѣ и отчасти по нѣкоторымъ крѣпостямъ. Линейные батальоны, квартируя въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, почти не несли практической службы, — походовъ не было, маневровъ имъ совѣтъ не дѣлалось и такъ какъ казачьи войска составляли наибольшую по численности силу и единственную въ край конницу, то понятно, и занимали первое мѣсто въ боевой организаціи нашихъ степныхъ отрядовъ. Вся сторожевая служба въ степи, обыкновенно, лежала на этихъ двухъ казачьихъ войскахъ, — они содержали разъѣзды, посылали особые отряды для преслѣдованія хищниковъ и вообще несли на себѣ всѣ главные труды по защитѣ края отъ набѣговъ киргизъ.

Вслѣдъ за разрѣшеніемъ вопроса о снаряженіи экспедиціи, нарядъ войскъ выпалъ на долю уральскихъ казаковъ, какъ ближайшихъ сосѣдей мѣста посланія экспедиціи. Вотъ какъ писалъ объ этомъ тогдашній Оренбургскій Военный Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ Перовскій, въ предписаніи отъ 8 октября 1836 г. за № 106 на имя Наказнаго Атамана Уральскаго войска:

„Предвидя въ теченіе нынѣшней зимы надобность послать казачій отрядъ съ Уральской линіи въ степь на экзекуцію, поручаю Вашему Высочкоблагородію распорядиться заблаговременно, чтобы 550 доброконныхъ казаковъ были готовы во

всякое время къ выступленію...

„Для отряда этого необходимо заготовить нынѣ-же сухарей, продовольствія и овса на два мѣсяца, на каждаго двухъ человѣкъ сави, или дровни, такимъ образомъ, чтобы люди могли отправиться до мѣста назначенія на санихъ, запрягая своихъ же строевыхъ лошадей и имѣли съ собой аммуницію свою и продовольствіе. Всѣ люди должны быть снабжены полною теплою одеждой....“

ВЫБОРЪ ПУТИ СЛѢДОВАНІЯ.

Зимнее время для экспедиціи было предпочтено потому, что экспедиція посылалась на пустынный сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря, а на огромномъ пространствѣ его, начиная отъ устья р. Эмбы до Мангышлака, не было прѣсной воды, которую только въ зимнее время и можно было замѣнить снѣгомъ. А такъ какъ степныя казачьи лошади, воспитанныя тебеневочнымъ способомъ, привыкли къ водопою изъ одного снѣга, то и рассчитывали, что только онѣ смогутъ перенести этотъ не легкій дальній переходъ. Затѣмъ, въ зимнее время киргизскій скотъ отъ недостатка корма и зимней стужи изнуренъ, и киргизы въ такое время предпочитаютъ держаться ближе къ берегу моря, въ густыхъ заросляхъ камыша, гдѣ они больше и спасаются отъ стужи и бурановъ.

Въ виду этого, для полного успѣха экспедиціи, рѣшили формировать отрядъ секретно, такъ, чтобы киргизы не провѣдали и не перекочевали бы вглубь степи и главное двинуться къ мѣсту стоянки враждебныхъ ауловъ форсированнымъ маршемъ, чтобы напасть на кочевья хищниковъ-Адаевцевъ—врасплохъ.

Оставалось только избрать самый удобный путь слѣдованія для отряда, т. е. рѣшить, идти ли по грунтовому берегу или двигаться напрямикъ, цѣлиной черезъ заливъ моря.

Неудобства были въ томъ и другомъ случаѣ, именно: грунтовый берегъ былъ весьма извилистъ и потому далеко не представлялъ кратчайшаго разстоянія. Пространство это, начиная отъ Уральской линіи до Мангышлака составляло около 1200 верстъ, и въ зимнюю пору, безъ всякихъ дорогъ, не изнуряя лошадей, пройти было невозможно. Черезъ заливъ моря, по льду, путь лежалъ несравненно ближе и легче, чѣмъ берегомъ, но путь этотъ

являлся не безопаснымъ. Извѣстно, что нѣтъ ничего измѣнчивѣй сѣверной части Каспійскаго моря. Сначала на гладкой поверхности его ничего не шлохнетъ, словно оно покрыто зеркальнымъ стекломъ, а черезъ минуту появляется сѣверо-восточный, порывистый вѣтеръ, нерѣдко разбивающій льдины у самыхъ береговъ и уносящій ихъ въ открытое море; тѣмъ не менѣе, для настоящей экспедиціи предпочли этотъ послѣдній путь, потому что онъ, во—первыхъ, значительно сокращалъ разстояніе, а во—вторыхъ, скрывалъ наше движеніе отъ глазъ хищниковъ. Для большей безопасности предположено было держаться малой глубины, гдѣ ледъ обыкновенно бываетъ крѣпче и не всегда подвергается дѣйствію бурной стихіи.

СОСТАВЪ ЭКСПЕДИЦІОННАГО ОТРЯДА.

Въ составъ экспедиціоннаго отряда приказано было нарядить особый Уральскій казачій полкъ пятисотеннаго состава.

По полученіи приказанія, войсковое начальство энергично принялось за формированіе требуемаго полка. Выбирались люди среднихъ лѣтъ, здоровые, смѣлые, отважные, преимущественно рыболовы, отличающіеся ловкостью въ управленіи лодкою и плаваніи и на лучшихъ, крѣпкихъ лошадяхъ. Недостатка въ отборныхъ людяхъ и лошадяхъ не было. Сформированный такимъ образомъ отрядъ въ своемъ составѣ имѣлъ совершенно молодецкій видъ.

Согласно существовавшаго въ то время штата въ составъ полка поступило:

Штабъ-офицеровъ	-	1 ¹⁾
Оберъ-офицеровъ	-	10 ²⁾
Урядниковъ	-	11 ³⁾
Фельдшеровъ медицинскихъ	-	1 ⁴⁾
Казакъ строевыхъ	-	550

¹⁾ Войсковой Старшина Осиповъ, Гавріиль Яковлевичъ.

²⁾ Есаулы: Бородинъ 3-й Евтихій, Хорошкинъ 1-й Павелъ, Назаровъ 8-й Максимъ, Сотникъ: Ерыклинецъ Стахей, Кириловъ Яковъ, Чечинъ Степанъ, Хорунжіе: Пономаревъ 5-й Исакій, Обратновъ Иванъ, Мансуровъ Василій и Рѣшетковъ Петръ.

³⁾ Урядники: Зѣвакинъ Антонъ, Абрамичевъ Аггѣй, Котовъ Сергѣй, Ливкинъ Акимъ, Бремѣевъ Яковъ, Бизяновъ Иванъ, Чурѣевъ Карлъ, Осиповъ Петръ, Волдыревъ Иванъ, Плотноковъ Филиппъ и Логиновъ Егоръ; послѣдніе двое не выступили въ походъ по неспособности.

⁴⁾ Кирсановъ — Тимофей.

Трубачей въ то время въ казачьихъ полкахъ еще не знали, хотя вскорѣ послѣ отечественной войны 1812 года на казаковъ было уже обращено вниманіе, когда для удобства управленія строевой частью дали казачьимъ полкамъ сигнальныя трубы, но на Уралѣ трубъ этихъ еще не существовало.

Строевые казаки были выбраны изъ слѣдующихъ 28 —ми линейно-форпостныхъ командъ, по 20 казаковъ изъ каждой команды: Кожехаровскаго форпоста, Лбищенскаго, Горячинскаго, Мergenевскаго, Каршинскаго, Сахарновской крѣпости, Калеевскаго форпоста, Лебяженскаго, Антоновскаго, Кругловскаго, Котельновскаго, Калинцевской крѣпости, Красноярскаго форпоста, Харкинского, Гореской крѣпости, Гребеншиковского форпоста, Кулагинской крѣпости, Орловскаго форпоста, Зеленовскаго, Тополинской крѣпости, Кармановскаго форпоста, Баксайскаго, Яманхалинскаго, Сарайчиковской крѣпости, Ново-Сорочинскаго форпоста, Редутскаго, Кандауровскаго и отъ команды Гурьева-городка — 10 чел.

Командиромъ полка назначенъ былъ, состоявшій на льготѣ, войсковой старшина Осиповъ, весьма опытный офицеръ, не разъ бывавшій въ походахъ и дѣлахъ съ неприятелемъ въ Средней Азіи и въ Европейской войнѣ въ 1812—1815 гг. При отправленіи изъ войска всѣ чины полка получили денежное пособіе, именно: войсковой старшина 400 р., три есаула — по 250 р., три сотника — по 200 р., четыре хорунжихъ по 150 р., девять урядниковъ, пятьсотъ пятьдесятъ казаковъ и одинъ фельдшеръ — по 110 р. ассигнаціями.

Каждый казакъ при выступленіи въ походъ имѣлъ обычное по тому времени вооруженіе, обмундированіе и конское снаряженіе. Изъ вооруженія — желѣзную саблю, или азіатскую кривую шашку въ деревянныхъ ножвахъ, длинную пику, украшенную въ трехъ мѣстахъ мѣдными бляхами, карабинъ, или длинный штуцеръ съ рожками, т. е. подставками, служащими опорой при прицѣлываніи изъ ружья, двойной комплектъ боевыхъ патроновъ (по 30), по 60 зол. пороха и по 2¹/₂ фун. свинца; на поясъ помѣщались: кожаная пороховница съ пулечницей, пороховая ватрушка и мѣдная смазница. Что же касается до одежды, то, въ виду зимняго похода, въ обмундированіи предоставлена была полная свобода; одежду казаковъ составляли: куртка стеганая на вер-

блюжьей шерсти, полшубокъ изъ джебаги*), настетанный на холстѣ и покрытый толстымъ верблюжьимъ сукномъ, длинный зипунъ изъ толстаго же верблюжьяго сукна, шаровары изъ такого же сукна, со стеганой ватой или джебагой наколѣнниками и сверхъ ихъ другіе холщевые, широкіе шаровары (сѣѣгъ къ холсту пристасть гораздо менѣе, слѣдовательно его высушить легче, чѣмъ сукно), большая шапка — папахъ, или киргизскій мѣховой треухъ (малахай) съ такими же наушниками, варьги изъ верблюжьей шерсти, а поверхъ ихъ кожанныя голицы (рукавицы), широкіе съ длинными голенищами сапоги и онучи изъ верблюжьяго сукна и такъ называемыя теньги, сдѣланныя изъ войлока, надѣваемые поверхъ кожаныхъ сапогъ**).

Изъ конскаго снаряженія — сѣдло, тренога, арканъ, переметныя сумы и у каждаго двухъ человекъ однѣ сани (розвальни, или дровни) съ упряжью для парной запряжки.

Кромѣ того для всего отряда было заготовлено въ походъ провіанта и фуража по расчету на 40 дней, — сюда входили: сухари, крупа, пшеничная мука, крутъ, спиртъ (280 в.), овесъ (1320 чет.), сѣно (около 650 п.), спрессованное особымъ способомъ въ такъ называемыхъ свиткахъ***); экспедиціонныя вещи: войлочные кибитки, хребтуги, печи желѣзныя, дрова (кизяки), сдѣланныя изъ прессованнаго навоза, уголь, пѣшни, лопаты, багры, лодки деревянныя, арканы, ковочный инструментъ и проч.

*) Джебага — валенная шерсть, снимается съ киргизскихъ барановъ во время весенней стрижки, настигается на холстъ на подобіе ваты.

**) Однообразная форма вооруженія и снаряженія для Уральскаго казачьяго войска хотя и была утверждена еще въ 1803 г., но не была заведена, и казаки продолжали являться на службу въ своей домашней одеждѣ, при самомъ разнообразномъ вооруженіи; кому что удавалось добыть на войнѣ, то передавалось дѣдами и отцами вмѣстѣ съ наслѣдствомъ дѣтямъ. Черезъ 35 лѣтъ послѣ этого, именно въ 1837 г., послѣ посѣщенія Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ г. Уральска, было обращено строгое вниманіе на форму и только къ 1 іюня 1838 г. все форменное обмундированіе и вооруженіе окончательно было заведено всѣми служащими казаками, находящимися на льготѣ въ войскѣ и на дѣйствительной службѣ, какъ доносила объ этомъ бывшая войсковая канцеларія, рапортомъ отъ 29 іюня за № 2453, Оренбургскому военному Губернатору.

***)) Способъ этотъ практиковался у Гурьевскихъ казаковъ, которые, отправляясь въ зимнее время въ Каспійское море на продолжительное аханное рыболовство съ большимъ числомъ подводъ, всегда брали съ собой запасъ сѣна, которое для удобства въ перевозкѣ туго свертывалось на подобіе веревки и складывалось на сани въ видѣ каната.

СБОРНЫЙ ПУНККТЪ ДЛЯ ПОЛКА И ОТРЯДА.

Сборнымъ пунктомъ для полка была крѣпость Сарайчиковская, а для отряда—Гурьевъ-городокъ. Въ Сарайчикъ назначенные казаки, согласно „летучекъ“, собрались изъ своихъ форпостовъ въ продолженіе двухъ дней.

19 и 20 декабря всѣ казаки были уже на сборномъ пунктѣ здѣсь ихъ провѣрили, осмотрѣли, а потомъ раздѣлили на пары десятки и сотни. Въ каждую сотню назначено было по два урядника и по два офицера, въ числѣ которыхъ—одинъ сотеннымъ командиромъ, а другой—младшимъ офицеромъ и на весь полкъ одинъ медицинскій фельдшеръ.

Окончивъ смотръ собравшимся казакамъ и найдя ихъ въ полномъ порядкѣ, полковой командиръ обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „Спасибо вамъ, братцы, за быстрый молодецкій сборъ, съ которымъ вы явились сюда, видно, что и подобрались всѣ вы на славу,—моловецъ къ молодцу; видно также, что и собирались съ большою оглядкою, чуя не легкій зимній походъ, хорошо запаслись теплою одеждою, хлѣбомъ и всякою живностью. Спасибо за заботу о коняхъ боевыхъ, объ исправности которыхъ и говорить нечего,—ясно, что забота о нихъ была приложена не малая, всѣ они настолько исправны, что лучшаго и желать не надо. Спасибо и на оружіи, находящимся на васъ,—все оно также въ порядкѣ; да и во всѣхъ сборахъ вашихъ видна сметка бывалыхъ походныхъ казаковъ, у которыхъ не только конь, или оружіе, а и каждый ремешекъ находится въ большой заботѣ. Еще разъ спасибо вамъ, братцы, за заботу по снаряженію и за быстрый молодецкій сборъ къ походу“.

Такъ составилъ Уральскій казачій полкъ, набранный изъ отборныхъ людей и названный по пѣли назначенія „секретный экспедиціонный отрядъ“. Къ чести уральскихъ казаковъ нужно сказать, что полкъ дѣйствительно собрался быстро, въ полномъ порядкѣ и въ такомъ секретѣ, что даже свои домашніе, по словамъ участника, принимали это за обыкновенный нарядъ казаковъ на ливейно-форпостную службу.

Начальникомъ „секретнаго экспедиціоннаго отряда“ былъ назначенъ состоявшій въ распоряженіи Оренбургскаго военнаго губернатора полковникъ Мансуровъ, а въ помощь къ нему подпол-

ковникъ Данилевскій и штабсъ-ротмистръ Челяевъ—все трое знакомые уже со степными походами по прежнимъ экспедиціямъ въ Среднюю Азію.

Изъ Сарайчика полкъ выступилъ 21 декабря, а 24—прибылъ въ Гурьевъ-городокъ. Гурьевскіе жители встрѣтили полкъ весьма радушно, угостили на славу хлѣбомъ-солью, а потомъ всѣхъ казаковъ полка поразобрали по квартирамъ.

Въ день 25 декабря, по случаю великаго христіанскаго праздника Рождества Христова, назначена была дневка; весь этотъ день проведенъ былъ въ приготовленіяхъ къ походу и приведеніи въ порядокъ обоза: принимали и укладывали провіантъ, фуражъ и экспедиціонныя вещи.

Зима въ этомъ году была довольно легкая,—морозы установились лишь въ концѣ декабря, а снѣга почти не было. Посланные развѣдчики донесли, что море при морозѣ въ 12°, хотя и покрылось льдомъ верстъ на 70 отъ берега, но крѣпость его весьма слабая,—въ среднемъ толщина—около шести вершковъ; поверхность-же льда—ровна, какъ зеркало; слѣдовательно путь для движенія былъ легкій, но не безопасный.

Несмотря на все это, рѣшено было выступить 26 декабря; море казакамъ не представлялось страшнымъ, потому что большинство изъ нихъ хаживали по немъ еще съ дѣтства—и не только по побережью, но и дальше:—бывали въ Астрахани, въ Прорвѣ, Мертвомъ Култукѣ (заливъ Цесаревича), забирались даже къ берегамъ Мангышлакского полуострова, куда пускались на одиѣхъ бударкахъ за лебедями. Какъ истые моряки, казаки ловко умѣли бороться съ бурями, приспосабливаясь и приспособлять свои лодки. Особенно привычными къ морю были гурьевцы.

ВЫСТУПЛЕНІЕ ИЗЪ ГУРЬЕВА И СЛѢДОВАНИЕ ПО ЛЕДЯНОЙ ПОВЕРХНОСТИ МОРЯ.

26-го декабря, на разсвѣтѣ, полкъ въ полномъ порядкѣ собрался на площади передъ мѣстной церковью, куда также явилась масса народа, собравшагося со всего Гурьева, а частью пріѣхавшихъ изъ ближайшихъ форпостовъ на проводы своихъ родныхъ и знакомыхъ, уходившихъ въ далекій походъ „на карагайскую“.

Напутственный молебенъ былъ благословеніемъ въ походъ *). Молебенъ окончился; всѣ перекрестились и выступили изъ Гурьева прямо въ устье Урала. Морозъ стоялъ 10°; въ воздухѣ—ни малѣйшаго вѣтерка.

На льду пустыннаго устья Урала, почти въ виду Гурьева-городка, отрядъ остановился на большой привалъ. Здѣсь еще разъ провѣрили людей, осмотрѣли лошадей, сани, выюкъ, поздравались съ батюшкой-синимъ-моремъ, на прощаньи выпили чарочку водки, погутарили, а потомъ по санямъ: „Ну, братцы, двигайся съ Богомъ!“ Всѣ, какъ одинъ, сняли шапки, набожно перекрестились и двинулись по скользкому льду побережья.

Отъ устья Урала отрядъ взялъ направленіе на Прорвинскіе острова. Двигаясь по скользкому льду моря, отрядъ все время держался береговой полосы, гдѣ и глубина стояла незначительная и ледъ держался крѣпче.

Каждая пара верховыхъ казачьихъ лошадей, запряженныхъ въ легкія сани, везла кромѣ двухъ казаковъ еще и другія тяжести, что въ общемъ на каждую пару лошадей приходилось около 40 пудовъ. Но ледъ былъ гладкій, и лошади, подкованныя на острые шипы, почти не чувствовали тяжести. Полкъ по виду болѣе походилъ на караванъ, чѣмъ на военный отрядъ.

Переходы дѣлались около 50—70 верстъ. Ночлеги были всегда на льду, большею частью у самыхъ береговъ, гдѣ растетъ камышъ, служившій топливомъ. Въмѣсто воды все время употребляли ледъ и снѣгъ, какъ для людей, такъ и для лошадей. На ночлегахъ отрядъ располагался особымъ каре: обыкновенно на избранномъ мѣстѣ ставили войлочные кибитки, кошары, юламейки, а вокругъ нихъ—сани, къ которымъ привязывали лошадей и на приподнятыя оглобли привязывали хребтуги **), куда и задавался кормъ.

Такимъ образомъ отрядъ все время двигался безъ всякихъ дорогъ, держась лишь направленія на полуостровъ Бузачи и ориентуясь только однимъ компасомъ.

Движеніе отряда совершалось въ такомъ порядкѣ: трое гурьев-

*) Не пожалѣли казаки и денегъ на молебенъ,—такъ по расходной книгѣ значится: „за молебенъ 50 рублей“.

**) Грубая льняная ткань, привязываемая на подобіе гамака.

скихъ казаковъ, весьма опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ, ѣхали впереди отряда на разстояніи 200—500 саж., въ качествѣ переднихъ дозорныхъ и время отъ времени пробивали ледъ желѣзными пешнями, измѣряя глубину пикой, стараясь держаться на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ —2 саж.; за дозорными слѣдовалъ весь отрядъ въ пять шеренгъ, въ каждой шеренгѣ около 50—60 саней.

Дозорные казаки давали знать о замѣченной опасности, и отрядъ немедленно принималъ всѣ мѣры предосторожности. Встрѣчавшіяся большія полыньи, или рыхлый ледъ приходилось обходить, т. е. углубляться въ море, или приближаться къ берегу и слѣдовательно уклоняться отъ прямого пути.

Такъ отрядъ шель шесть переходовъ безъ всякихъ особенныхъ приключеній; правда, не было перехода, чтобы нѣсколько разъ въ день ледъ не проваливался подъ санями казаковъ и, пока не привыкли, подобные случаи производили тревогу въ отрядѣ; но такъ какъ они повторялись часто и безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, то съ ними свыклись до такой степени, что они вызвали только общій смѣхъ. Когда, бывало, въ сотняхъ закричатъ: „врозь“, каждый догадывался, что ледъ подѣ кѣмъ-нибудь проломился и ближайшіе со своими санями, выдвинувшіеся впередъ, сейчасъ-же сѣлиши товарищамъ на помощь. При дальнѣйшемъ движеніи отряда морозы усилились уже до 12° — 15° ; снѣгъ-же хотя мѣстами и попадался, но весьма слабый.

Казаки ежедневно имѣли горячую пищу; караульная служба была совсѣмъ не обременительна, и люди на первыхъ порахъ имѣли достаточно отдыха.

ОТЛОМЪ.

1-го января 1837 г. отрядъ совершалъ седьмой переходъ отъ Гурьева-городка и находился уже приблизительно въ 100 верстахъ отъ Ново-Александровскаго укрѣпленія. Бухта, по берегу которой слѣдовалъ отрядъ, глубоко врѣзывалась въ материкъ, чѣмъ значительно удаляла отрядъ отъ ближайшаго направленія къ мѣсту назначенія. Начальникъ отряда съ общаго согласія казачьихъ офицеровъ рѣшилъ перерѣзать эту неширокую бухту, чѣмъ значительно и сократилъ движеніе къ укрѣпленію.

Движеніе черезъ бухту шло вначалѣ благополучно; морозъ

былъ 15°; свѣжій восточный вѣтеръ дулъ прямо въ море; отрядъ проходилъ уже вторую половину бухты и приближался почти къ берегу, когда сильнымъ, порывистымъ вѣтромъ между 4-й и 5-й сотнями съ трескомъ разломало ледъ и моментально раздѣлило сотни водою; четыре сотни, бывшія съ лѣвой стороны, кинулись по направленію къ берегу, а 5-я сотня, отдѣленная водою; приблизительно на 40 саж., осталась на огромной льдинѣ, имѣвшей въ окружности нѣсколько верстъ. Положеніе сотни было весьма критическое.

При видѣ этого, казаки первыхъ четырехъ сотенъ поспѣшили выпрячь своихъ лошадей, чтобы притти на помощь 5-й сотнѣ, но въ это время увидѣли новый отломъ, которымъ переднихъ дозорныхъ этой сотни оторвало уже и отъ своихъ и понесло на небольшой льдинѣ въ открытое море. Тогда казаки для спасенія 5-й сотни быстро нарубили и наловили плавающихъ ледяныхъ глыбъ, укрѣпили ихъ одна къ другой арканами и при помощи пень и пикъ составили плавающий мостъ и довели его отъ своего берега до льдины, на которой находилась 5 сотня. Когда сомкнули такимъ образомъ берега, началась быстрая переправа. По мѣрѣ того, какъ льдины во время перехода людей и лошадей ломались, ихъ моментально замѣняли новыми, цѣльными льдинами.

Эта необыкновенная переправа, продолжавшаяся около 1½ часа, окончилась вполнѣ благополучно, и только двое саней пошло ко дну, нѣсколько лошадей обрѣзали себѣ вѣнчики копытъ, да нѣсколько казаковъ выкупались въ морѣ.

Нельзя при этомъ не отдать должной справедливости и нашимъ офицерамъ, которые во все время жаркой работы принимали самое живое участіе,—ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ оставаться на безопасномъ мѣстѣ,—всѣ находились на живыхъ мостахъ, или около нихъ, пока окончательно не переправили всѣхъ до послѣдняго казака.

КРИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ОТНОСѢ.

Что же случилось съ дозорными казаками, которыхъ отнесло на льдинѣ?

Еще за нѣсколько часовъ до того времени, какъ 5-я сотня

оторвалась отъ главной колонны, командиръ полка и нѣкоторые изъ казачьихъ офицеровъ, знакомые съ этими мѣстами раньше, по прежнимъ экспедиціямъ, замѣтили, что дозорные казаки, плывшіе на небольшой льдинѣ, желая выйти прямо къ выдающемуся мысу, заходили далеко въ море, а при стоявшемъ свѣжемъ вѣтрѣ, они неминуемо должны были очутиться на большой глубинѣ, гдѣ спасенія ждать было трудно; штабсъ-ротмистръ Челяевъ въ своихъ легонькихъ саняхъ, отдѣлившись отъ колонны, полетѣлъ вдогонку за этими казаками. Присоединяясь къ нимъ, онъ приказалъ остановиться, пробить ледъ и измѣрить глубину. Черезъ минуту пика была уже опущена въ воду, но дна достать не могла; тогда бросили лотъ, и онъ показалъ глубину 3 саж. Послѣ этого, Челяевъ вмѣстѣ съ дозорными, свернувъ нѣсколько влѣво, ближе къ берегу, принялъ личное участіе въ проверкѣ глубины моря.

Дозоры, во главѣ съ Челяевымъ, стали приближаться къ тому мѣсту, гдѣ берегъ выходилъ мысомъ въ море и находились отъ него не далѣе 4 верстъ, какъ вдругъ послышался крикъ „отломъ“! Челяевъ неожиданно увидѣлъ между собою и берегомъ водное пространство и, чтобы дать знать объ этомъ отряду, бросился назадъ, но къ своему удивленію увидѣлъ, что вся колонна несется на рыскахъ влѣво къ берегу; только небольшая часть ея оставалась на мѣстѣ, — то была 5-я сотня.

Очутившись на небольшой льдинѣ, имѣвшей въ окружности не болѣе одной версты, среди водной стихіи и въ довершеніе всего на страшно пронизывающемъ вѣтрѣ, несчастные пловцы были безъ всякихъ средствъ къ спасенію. Картина была тяжелая. Горсть людей, брошенныхъ въ открытое море на углой льдинѣ, отдѣлившейся вначалѣ отъ твердыхъ льдовъ не далѣе 40—50 саж., теперь была уже унесена на нѣсколько верстъ, и нельзя было не удивляться той твердости и присутствію духа, съ какими казаки ожидали видимой гибели; каждый изъ нихъ хорошо видѣлъ, какъ морскія волны постепенно обламывали края льдины, и какъ силою вѣтра уносило ее въ море; ни одинъ изъ нихъ не падалъ духомъ и природныя качества казака, пріобрѣтенныя имъ на конѣ среди безконечныхъ степныхъ равнинъ и въ утлыхъ ладьяхъ сивяго моря, поддерживали въ нихъ надежду на спасеніе.

Время между тѣмъ тянулось медленно; тяжела была каждая минута. Челюевъ обратился къ казакамъ съ вопросомъ, не придумаютъ-ли они что-нибудь для общаго спасенія, пока ихъ льдина еще не очень отдалева отъ твердой массы льда? На вопросъ этотъ, стоявшій рядомъ Гурьевскій казакъ Соболевъ, указывая на волнующееся море, совершенно хладнокровно отвѣчалъ: „Ничего, ваше благородіе, кабы еще ледъ былъ твердъ, и не ломало его, тогда можетъ быть Богъ и помиловаль-бы насъ, но льдину нашу несетъ прямо въ море, а на глубѣ ее скоро искрошить“. Въ тоже время, не смотря на шумъ волновавшагося моря, офицеры слышали, какъ съ того берега кричали имъ: „Дадимъ помощь, или сами погибнемъ!“

Вскорѣ порывистымъ вѣтромъ льдину отнесло еще дальше въ море, гдѣ и бросало ее изъ стороны въ сторону. Становилось жутко,—вѣтеръ ревѣлъ все сильнѣе, волны бушевали; льдина, обламываясь, неслась все дальше и дальше; минута была поистинѣ критическая. Площадь льда, уменьшаясь съ краевъ, достигла не болѣе 200 саж. въ окружности. Тутъ казаки опять проявили свое безстрашіе, ловкость и находчивость. Многіе изъ нихъ, знавшіе штабсъ-ротмистра Челюева по прежнимъ экспедиціямъ, желая спасти его съ дозорными казаками, изобрѣтали разныя несбыточныя для того средства, явно пренебрегая всякой личной опасностью. Такъ, казаки Карпъ Гурьевъ и Иванъ Климовъ, оба лихіе моряки, жители Гурьева-городка, стоявшіе въ это время на берегу, вызвались раздѣлить участь съ Челюевымъ:—по ихъ плану,—двое порожнихъ саней, связанныхъ веревками, запасшись провіантомъ, должны были пуститься съ ними въ море по вѣтру.

Сказано—сдѣлано. Оба эти молодца немедленно приступили къ устройству этихъ необыкновенныхъ лодокъ. Самоотверженіе, конечно, было велико, но оно могло принести пользу погибающимъ только въ томъ случаѣ, если-бы можно было пристать къ какому-нибудь острову, и потому смѣльчакамъ приказано было оставить придуманное ими предпріятіе безъ исполненія.

Теперь, конечно, всякій войметъ, какое тяжелое чувство испытывалъ каждый, видя и сознавая, что вотъ-вотъ подъ ногами смѣлыхъ пловцовъ расплзется углая льдина, и морская пучина сейчасъ скроетъ ихъ на-вѣки.

Борьба со стихіей была непосильная; съ каждой минутой по-

ложепіе пловцовъ становилось все болѣе и болѣе критическимъ; при видѣ такой картины сердце болѣзненно сжималось; каждый сознавалъ, что помощи ждать неоткуда, — вся надежда оставалась только на милосердіе Божіе.

Прошло около часа самаго томительнаго ожиданія, но вотъ, наконецъ, Провидѣніе сжалилось надъ нашими пловцами. Вѣтеръ сталъ мало-по-малу стихать и перемѣняться; по рядамъ казаковъ раздалось громкое, радостное восклицаніе: „Городъ городить, братцы, шиханы ставить!“ Всѣ устремились въ ту сторону, куда указывалъ одинъ изъ казаковъ, восклицая также громко: „Одно спасеніе, братцы, — шиханы ставить!“ Оказалось, что казаки обрадовались тому, что отъ перемѣнившагося вѣтра ихъ быстро повернуло въ сторону и придвинуло къ крѣпкому льду, отъ напора на который льдину, гдѣ находились казаки, начало ломать и крошить въ куски, что на казачьемъ языкѣ значить — шиханы ставить, или городъ городить. Первый замѣтилъ это казакъ Соколевъ, стоявшій по близости Челяева.

Когда казаки, плывшіе на льдинѣ, приблизились къ ея окраинѣ, то увидѣли, что они еще отдѣлены отъ твердаго льда небольшимъ пространствомъ воды, приблизительно сажени на полторы, а ледъ отъ продолжавшагося волненія быстро крошился и грозилъ каждую минуту окончательно исчезнуть подъ ногами пловцовъ. Требовалось дѣйствіе немедленное. Послѣ нѣкотораго совѣщанія наши пловцы, избравъ болѣе узкое пространство между берегомъ, рѣшили перескочить это естественное препятствіе. И вотъ началась лихая скачка съ одной льдины на другую, только не верхомъ, а вмѣстѣ съ санями и сидящими въ нихъ людьми. Для этого дозорные казаки, заѣхавъ нѣсколько назадъ и разогнавъ лошадей, заставляли бѣдныхъ животныхъ повиноваться ихъ голосу и ударамъ возжей, — моментально сани одни за другими очутились на твердомъ льду, а за ними послѣдовали и Челяевъ съ остальными казаками.

Совершивъ эту лихую переправу, путники не были еще въ безопасности, — они не знали, соединяется-ли эта льдина съ берегомъ, или составляетъ пловучую массу, подобную той, отъ которой они только-что избавились. По первому побужденію, они рѣшили ѣхать по тому направленію, откуда ихъ унесло вѣтромъ въ море. Вдали синѣлъ горизонтъ, позади волновалось и шумѣло

бурное море, а передъ ними разстилалась гладкая, блестящая поверхность льда. Далеко, верстъ за пять, замѣтно было движеніе людей, но было-ли это на берегу, или на льду — нельзя было разсмотрѣть. Пушники пустились рысью и вскорѣ догнали 5-ю сотню, переправлявшуюся по своимъ пловучимъ мостамъ на безопасное мѣсто.

Трудно описать радость встрѣчи, — всѣ крестились, обнимались и цѣловались. Увлекаясь общимъ чувствомъ радости, обнимали Челева и всѣхъ безъ различія офицеровъ отряда.

Короткій зимній день приближался къ концу. Начинало уже темнѣть, когда окончилась переправа 5-й сотни, а съ нею и присоединившихся дозорныхъ казаковъ съ штабсъ-ротмистромъ Челевымъ во главѣ, послѣ чего весь отрядъ, соединившись вмѣстѣ, остановился на ночлегъ у самого берега въ безопасномъ мѣстѣ.

Измученный въ теченіе дня поисками переправы, усиленной работой по постройкѣ ледяныхъ мостовъ и за послѣднюю ночь плохо спавшій, весь отрядъ былъ погруженъ въ эту ночь въ глубокій, богатырскій сонъ.

Нельзя, конечно, не обратить вниманія на удивительную выносливость казаковъ, — которые, несмотря на сильно-пронизывающій холодный вѣтеръ, въ теченіе цѣлаго дня, побросавъ съ себя всю теплую одежду, работали въ однихъ курткахъ, а во время переправы многіе находились по-колѣно въ водѣ, и на слѣдующій день во всемъ отрядѣ оказалось только двое больныхъ съ пораненіемъ, и семь лошадей съ подрѣзами вѣнчиковъ.

НА СУШѢ.

Съ мѣста ночлега отрядъ двинулся далѣе, все время придерживаясь берега и потому для ускоренія движенія пришлось идти усиленнымъ маршемъ, дѣлая большіе обходы по берегу залива. Однако-жъ 4-го января отрядъ благополучно прибылъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе.

Только что построенный въ 1833 году и заброшенный въ глухую сторону, при спускѣ съ каменной гряды Усть-Урта къ пустынному сѣверо-восточному берегу Каспійскаго моря, угрюмо и одиноко стоялъ этотъ малевкій укрѣпленный постъ, гроза кочуущаго киргизскаго населенія.

Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ полуторы сотни уральскихъ казаковъ, одной роты солдатъ и небольшой артиллерійской команды. Комендантомъ укрѣпленія былъ полковникъ Дихошеровъ, старый боевой офицеръ, прошедшій многіе годы въ бояхъ съ азіатами.

Ближайшіе пункты, съ которыми укрѣпленіе имѣло сообщеніе, были города:—Астрахань и Гурьевъ, находящіеся почти на тысячеверстномъ разстояніи; сообщеніе съ ними было только лѣтомъ на особыхъ казенныхъ лодкахъ, а зимой, за исключеніемъ особыхъ почтарей-чабаровъ,^{*)} и совсѣмъ не было никакихъ дорогъ. Когда 4-го января экспедиціонный отрядъ вступалъ въ укрѣпленіе, на встрѣчу ему вышелъ весь гарнизонъ, во главѣ съ комендантомъ. Встрѣча была самая радостная и душевная; всѣ чины полка были размѣщены въ казарменныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ ихъ на славу угостили хлѣбомъ-солью. Въ казармахъ было просторно, тепло и уютно; они освѣщались стеклянными окнами и имѣли русскія печи. У коменданта въ тотъ-же день состоялся товарищескій обѣдъ, въ которомъ участвовали всѣ офицеры гарнизона и прибывшаго отряда.

На слѣдующій день назначена была дневка. Утомленные за время быстрого похода, всѣ значительно отдохнули и оправились.

Пробывъ день въ укрѣпленіи и оставивъ въ немъ трехъ слабыхъ казаковъ и столько-же слабыхъ лошадей, отрядъ 6 января выступилъ дальше. Войска гарнизона проводили отрядъ версты за пять. На пути слѣдованія, у подножія одной горы, изрѣзанной балками, былъ сдѣланъ большой привалъ; выпили послѣднюю напутственную чару разбавленнаго спирта и отрядъ потянулся по едва замѣтной верблюжьей тропинкѣ къ Калпинскому краю, держась опять береговой полосы.

Съ выступленіемъ изъ укрѣпленія въ отрядъ началась болѣе строгая охранительная служба;—такъ, въ ночь казаки содержали пикеты, выставлявшіеся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ отряда; на каждомъ пикетѣ было 3—6 человекъ, одинъ изъ коихъ былъ часовымъ, другой подчаскомъ, а прочіе отдыхали, отлучаясь съ

^{*)} Гонецъ—отъ глагола «чаппакъ-гнать», имѣющій назначеніе исполнять обязанности разсылныхъ, т. е. возить казенныя бумаги, забирая собою почту и курьеровъ; нѣкоторые чабары исполняли свои обязанности съ такимъ усердіемъ и съ такою быстротою, что прямо превосходили всякое вѣроятіе.

никета по очереди въ лагерь, за фуражемъ и горячей пищей; часовые смѣнялись, за неимѣніемъ часовъ, по движенію Большой Медвѣдицы, которую они называютъ „Лось“.

НАБѢГЪ НА РАЗБОЙНИЧІЙ АУЛЬ.

Пройдя верстъ сто отъ Александровскаго укрѣпленія, у подношья Калининскаго края, былъ устроенъ особый временный складочный пунктъ подъ охраною полусотни казаковъ, куда были сложены всѣ ненужныя тяжести, какъ-то: сани, кибитки, желѣзныя печи и другія экспедиціонныя вещи, и только съ семи-дневнымъ продовольствіемъ, отрядъ двинулся усиленнымъ маршемъ къ мѣстамъ кочевьевъ хищниковъ.

Развѣдавъ о близкой кочевкѣ Адаевцевъ, необходимо было немедленно проскакать это разстояніе до ауловъ, чтобы не дать киргизамъ опомниться и напасть на нихъ врасплохъ; поэтому рѣшено было все остальное продовольствіе, при небольшомъ прикрытіи, также оставить на пути слѣдованія и двинуться влетѣхъ, безъ всякихъ тяжестей, съ тѣми только запасами, которые могли помѣститься на сѣдлахъ, и ударить на главное разбойничье гнѣздо.

Было около полуночи, когда отрядъ, снявшись съ бивуака, тихо и осторожно двинулся впередъ. Шли быстро, останавливались лишь иногда минутъ на пять, что-бы дать передохнуть разгорячившіяся лошадямъ, подтянуть подпруги и снова...

„Мчатся казаки могучіе, грозные

Прямо въ аулы киргизъ...“

Только-что на востокъ успѣла блеснуть свѣтлая полоска разсвѣта, какъ на горизонтѣ показались очертанія бѣлыхъ и сѣрыхъ большихъ войлочныхъ кибитокъ, поставленныхъ въ разныхъ направленіяхъ по склонамъ широкой балки отроговъ Усть-Урта, а около кибитокъ и по ущелью балки находились цѣлыя табуны лошадей и всякаго другого скота—то и былъ извѣстный разбойничій ауль Адаевцевъ.

Кругомъ стояла полная тишина; только собаки изрѣдка давали чувствовать приближеніе отряда, да нѣкоторые старики-киргизы, съ кунганами въ рукахъ, показывались изъ кибитокъ, спѣша на совершеніе утренняго намаза, когда отрядъ подходилъ

въ становищу киргизъ. Минута для нападенія была самая удобная. Приказано было развернуть лаву, и тонкій строй ея моментально окружилъ громадный разбойничій аулъ.

Неожиданное появленіе казаковъ—до того ошеломило хищниковъ, что они вначалѣ не вѣрили своимъ глазамъ.

Наконецъ, киргизы смекнули въ чемъ дѣло; съ крикомъ „урусъ, урусъ“! они начали выбѣгать изъ своихъ кибитокъ и защищаться съ оружіемъ въ рукахъ.

Раздался изъ толпы выстрѣлъ, потомъ другой, третій и безпорядочная перепалка началась по всемъ направленіямъ аула. Шумъ, визгъ, крики „уръ! уръ!“... Толпа была вооружена чѣмъ попало; тутъ были и длинныя тонкія пичи, (найта) и кривыя персидскія сабли (кычъ), и чеканы (ай-балты), кремневыя ружья и пистолеты (бельтеу-мултукъ) и главное, наиболѣе распространенное у нихъ оружіе „камча“, толстая, имѣющая нѣсколько дюймовъ въ обхватѣ погайка, оружіе страшное въ ловкихъ и сильныхъ рукахъ киргиза.

Въ толпахъ защитниковъ, метавшихся на громадномъ пространствѣ аула, находились всѣ обитатели его: тутъ были, помимо молодого и средняго возраста, и старики, и дѣти, и женщины,—словомъ на защиту своего жилища высыпали всѣ: и старъ и младъ.

Недолго продолжалась эта упорная борьба,—дружный натискъ казаковъ опрокинулъ толпу храбрыхъ, но не стойкихъ въ открытомъ бою киргизъ. Положеніе ихъ было самое отчаянное: ихъ воражали пулями, колели мечами, рубили шапками и топтали копытами; тѣхъ же, которые просили пощады, забирали въ плѣнъ, и только немногіе, болѣе ловкіе, вскакивали на неосѣдланыхъ лошадей и бросались во все стороны, надѣясь прорваться и пуститься на-утекъ; но такихъ счастливцевъ было мало: зоркій казакъ рѣдко пропускалъ кого. Ущелье балки было завалено ранеными и убитыми. Во время энергичнаго преслѣдованія, опять произошла горячая схватка, гдѣ подъ ударами казачьихъ шапекъ и отъ пичъ, сложили головы и тѣ, которымъ, все-таки, удалось пробраться;—по одиночнымъ дорожкамъ и по всему полю въ безпорядкѣ лежали трупы киргизъ; многіе раненые, обезсиленные потерей крови, падая съ лошади, умирали тутъ-же на дорогѣ, а лошади ихъ поворачивали назадъ и скакали къ своему аулу. Какъ рассказывалъ участникъ боя Е. К. Толстовъ, нѣкоторымъ хищникамъ удалось также прорваться и ускокать въ другіе

аулы, но спасенія они и тамъ себѣ не нашли.

Послѣ боя страдѣ, присоединивъ къ себѣ оставленное на пути слѣдованія прикрытіе изъ полусотни казаковъ и раздѣлившись на двѣ колонны, двинулся преслѣдовать остальную орду. Сборнымъ пунктомъ было назначено временное укрѣпленіе у подошвы Калпинскаго кряжа.

Цѣлыхъ двѣ недѣли колонны эти были въ непрерывномъ движеніи, преслѣдуя, настигая и поражая бѣгущіе аулы Джеменеевцевъ, считавшихся самыми воинственными и самыми разбойничьими племенами во всемъ Адаевскомъ родѣ; такъ колонна, подѣ начальствомъ полковника Мансурова, напала и уничтожила еще два аула этого племени, а колоннѣ подполковника Данилевскаго удалось сжечь нѣсколько большихъ и малыхъ морскихъ лодокъ, скрывавшихся въ густыхъ заросляхъ камыша, на которыхъ киргизы выходили въ море для грабежа.

Описывая дѣйствія секретнаго отряда, слѣдовало-бы, конечно, упомянуть и объ отдѣльныхъ лицахъ и случаяхъ проявленія отваги и мужества, бывшихъ, какъ во время набѣга на главный аулъ, такъ и во время дѣйствій отдѣльныхъ колоннъ отряда; случаи такіе были, какъ рассказывалъ Е. К. Толстовъ, и довольно серьезные,—въ видѣ борьбы казаковъ съ киргизскими батырями, не желавшими отдать свою жизнь дешево; жаль только, что они остались неизвѣстными и потому не могутъ занять здѣсь вполнѣ заслуживающаго мѣста.

Надо сказать, что киргизы, будучи собраны въ большую массу, какъ и всѣ азіаты, дѣйствуютъ гораздо хуже, чѣмъ въ одиночку и небольшими партіями. Они, обыкновенно, истрачиваютъ весь запасъ своей энергіи и храбрости на первый натискъ и, если этотъ натискъ не удался, то все для нихъ пропало; при видѣ своихъ убитыхъ и раненыхъ, храбрыми бойцами овладѣваетъ страхъ, и они бѣгутъ, почти не защищаясь.

Не смотря на лихую атаку и энергичное преслѣдованіе, убыль въ сотняхъ полка оказалась весьма незначительной, такъ, шесть человекъ раненыхъ огнесгнѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ *) и семь лошадей вышло изъ строя убитыми и ранеными.

*) Двое изъ нихъ вполнѣдствіи умерли отъ ранъ: казакъ Савелій Пустобаевъ, Сахарновской станицы 18 января 1837 г. и казакъ Гавріиль Щучкинъ, Калмыковской станицы 27 января того-же года.

Трофеями полка были кремневые ружья, пистолеты, пики, пашки, чеканы, цѣлыя табуны лошадей, рогатаго скота и барановъ, наконецъ—имущество хищниковъ,—все сдѣлалось добычею отряда. Въ плѣнъ взято болѣе 50 человекъ. Отбитый скотъ, подъ прикрытіемъ небольшой команды казаковъ, отправленъ былъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе.

Такъ закончился знаменательный набѣгъ Уральскихъ казаковъ на аулы киргизъ; онъ положилъ конецъ борьбѣ съ хищниками-Адаевцами.

ВОЗВРАЩЕНІЕ СЪ НАБѢГА.

Черезъ три недѣли оба отряда, соединившись вмѣстѣ и забравъ съ собою всѣхъ плѣнныхъ и отбитый скотъ двинулись къ Ново-Александровскому укрѣпленію.

Здѣсь отряду пришлось оставаться не долго, такъ какъ наступалъ уже февраль мѣсяцъ, начало теплыхъ дней, — слѣдовательно надо было торопиться въ Гурьевъ-городокъ, и потому, отдохнувъ и устроивъ въ укрѣпленіи плѣнныхъ и скотъ, отрядъ выступилъ въ обратный путь моремъ, взявъ направленіе на Гурьевъ.

Возвращеніе отряда обошлось безъ всякихъ приключеній.

По прибытіи въ Гурьевъ-городокъ, экспедиціонный отрядъ былъ расформированъ; всѣ казаки, по отелуженіи благодарственного молебна, распущены были по своимъ станицамъ.

Такъ окончилась эта трудная экспедиція, продолжавшаяся около шести недѣль, считая со дня выхода казаковъ изъ Сарайчиковской крѣпости.

НАГРАДЫ.

Начальникъ экспедиціоннаго отряда, полковникъ Мансуровъ, въ донесеніи своемъ на имя генералъ-адъютанта Перовскаго, свидѣтельствуя о необычайной выносливости, безстрашіи и лихости казаковъ, съ особенной похвалою отзываясь о казакахъ, и въ реляціи своей съ отличившихся просилъ, о достойномъ награжденіи всѣхъ членовъ отряда, за ихъ усиленные труды и лишенія, во время этой экспедиціи.

За блестящую экспедицію послѣдовали и блестящія награды. По ходатайству Перовскаго Государь Императоръ Николай I-й щедро награждалъ всѣхъ участниковъ отряда. Такъ: командующій полкомъ войсковой старшина Осиповъ ¹⁾ и командиръ сотни есаулъ Назаровъ получили ордена Св. Владимира 4 ст. съ бантомъ ²⁾; есаулы: Бородинъ и Хорошихинъ ³⁾ — ордена Св. Анны 3 ст. съ бантомъ; сотникъ Ерыклинцевъ — чинъ есаула; сотникъ Кириловъ — орденъ Св. Анны 4 ст. съ надписью: „за храбрость“; сотникъ Чечинъ, хорунжіе: Повомаревъ, Обратновъ, Мантуровъ и Рѣшетковъ — ордена Св. Станислава 3 ст. съ бантомъ. Урядники: Яковъ Еремѣевъ, Карпъ Чурѣевъ ⁴⁾, Петръ Осиповъ и Иванъ Визяновъ ⁵⁾ произведены въ 1-й офицерскій чинъ-хорунжаго.

Казакамъ: Ильѣ Овчинникову и Никитѣ Логашкину возвращенъ 1-й офицерскій чинъ хорунжаго, и шести нижнимъ чинамъ, болѣе отличившимся, назначены знаки отличія военнаго ордена, именно:

Уряднику Сергѣю Котову подъ № 72.193 ⁶⁾

(Гурьева-городка).

„ Ивану Волдыреву подъ № 72.194

Казаку Филиппу Фофанову подъ № 72.195

(Гурьева-городка).

„ Василію Кашкину подъ № 72.196

(Мергеневскаго пос.).

„ Мартемьяну Кекину подъ № 72.197

(Мергеневскаго пос.).

„ Евлампію Толстову подъ № 72.198 ⁷⁾

(Тополинскаго пос.).

¹⁾ Въ 1837—1840 г.г. командовалъ 1-мъ Уральскимъ казачьимъ полкомъ на Кавказѣ, гдѣ и убитъ.

²⁾ Мечей къ орденамъ тогда не было, — ордена за военные отличія давались только съ бантомъ, украшеніе же къ нимъ — мечи послѣдовало въ началѣ царствованія Императора Александра II.

³⁾ Въ 1853—1856 г.г. командовалъ 1-мъ Уральскимъ каз. полкомъ въ Крыму.

⁴⁾ Впослѣдствіи — подполковникъ, командовалъ 2-мъ Уральскимъ казачьимъ полкомъ въ Крыму въ 1853—1856 г.г.

⁵⁾ Впослѣдствіи — сотникъ, находился въ 1 Уральскомъ каз. полку на Кавказѣ, гдѣ и убитъ въ 1840 году.

⁶⁾ Подраздѣленій знака отличія тогда не существовало; дѣленіе его на степени послѣдовало лишь въ 1856 году.

⁷⁾ Впослѣдствіи войсковой старшина; умеръ въ концѣ 1880-хъ годовъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Заканчивая настоящій очеркъ, надо сказать еще, что цѣль и назначеніе этой экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы напасть неожиданно на кочевья хищниковъ и разбить ихъ на голову, а въ случаѣ невозможности этого послѣдняго — отбросить ихъ на Усть-Уртъ, отбить скотъ и этимъ лишить ихъ всякихъ средствъ къ существованію, а слѣдовательно и къ дальнѣйшимъ набѣгамъ.

Задача эта, какъ мы видѣли, была выполнена успѣшно; отрядъ мало того, что разбилъ киргизъ и разорилъ ихъ главные кочевья, но быстро пустившись въ преслѣдованіе бѣжавшихъ, достигалъ ихъ и уничтожалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Усть-Урта и въ камышахъ побережья моря.

Полковникъ Мансуровъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы нанести имъ страшное и окончательное пораженіе.

Экспедиція эта, хотя обошлась правительству и дорого *), по часть затраченной суммы была тогда-же пополнена продажей отбитаго у хищниковъ скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ она доказала, что во-первыхъ, походъ въ зимнее время въ безкормную и безводную степь съ отрядомъ въ 600 человекъ вполне возможенъ и во-вторыхъ, что Адаевцы ни въ коемъ случаѣ не могутъ противостоятъ нашимъ войскамъ; въ результатѣ цѣль была достигнута, хищники строго наказаны; долго они потомъ помнили кару русскихъ и перестали вѣрить въ то, что зимою они гарантированы отъ нападенія русскихъ, — почему долго потомъ не отваживались на новые грабежи. Вообще можно сказать, что быстрый, лихой набѣгъ этотъ имѣлъ громадное значеніе въ общемъ ходѣ тогдашнихъ событій въ киргизской степи.

Такимъ образомъ, въ общей картинѣ лихихъ набѣговъ русскихъ войскъ въ Среднюю Азію, не малая доля славы безспорно принадлежитъ и Уральскимъ казакамъ. Не даромъ бывшій Оренбургскій военный губернаторъ графъ Сухтеленъ въ запискѣ своей на имя председателя Высочайше утвержденной комиссіи, поданной въ 1832 г., отзывался объ Уральцахъ такъ:

„Уральскіе казаки до сего дня суть единственное войско въ

*) Около ста тысячъ рублей, считая въ томъ числѣ выданное пособіе офицерамъ и казакамъ.

Оренбургскомъ краѣ, которое по мужеству, храбрости и пріимчивому духу, употреблялось съ большими выгодами въ степныхъ экспедиціяхъ, а потому заслуживаетъ особаго вниманія правительства и огражденія выгодъ, ему предоставленныхъ *)“.

Далѣе, генераль-адъютантъ Перовскій, недовольный Уральскими казаками за происшедшій инцидентъ въ г. Уральскѣ въ 1837 году, послѣ зимняго Хивинскаго похода 1839—1840 г.г., совершенно перемѣнилъ о нихъ мнѣніе и по окончаніи этого похода, вотъ какъ отзывался объ уральцахъ:

„Уральскіе казаки болѣе другихъ войскъ Оренбургскаго корпуса проявили свою способность къ перенесенію степныхъ походовъ, — они были единственными людьми за время Хивинской экспедиціи, не боявшимися ни морозовъ, ни труда; нельзя было не удивляться крѣпости и выносливости ихъ въ походѣ, и не отдать имъ полной справедливости въ ихъ незамѣнимости въ подобныхъ экспедиціяхъ **)“.

Историку, въ предстоящемъ описаніи трехсотлѣтней боевой жизни Уральскихъ казаковъ, описанный здѣсь рѣдкій набѣгъ несомнѣнно сослужитъ службу, займетъ въ его трудѣ не послѣднюю страничку и будетъ не малымъ украшеніемъ боевой лѣтописи Уральского казачьяго войска.

28-го Февраля 1903 г.

Г. Кіевъ.

*) Полное собраніе сочиненій В. И. Дала, 1861 г.

**) См. Зимній походъ въ Хиву 1839—1840 г.г. Иваницъ. Русскій Архивъ 1891 г. книга IV.

ИСТОЧНИКИ:

1. Дѣло Уральскаго войскового архива, 1837 г. III разрядъ, опись 212.
2. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, изд. 1832 г.
3. Публичная лекція о степныхъ походахъ В. Потто, изд. 1873 г.
4. Туркестанскій сборникъ, состав. В. И. Межовъ 1880 г., т. 224.
5. И. И. Неплюевъ, устроитель Оренбургскаго края. 1891 г., состав. Витевскій.
6. Разказы участника экспедиціи, отставнаго войскового старшины Е. К. Толстова, слышанные лично авторомъ въ 1882 году.
7. Приказы по отдѣльному Оренбургскому корпусу 1837 года.
8. Отрывки изъ прошлаго Уральскаго войска А. Л. Гулаева, 1895 года.
9. Сборникъ Уральскихъ казачьихъ пѣсень 1890 г., собралъ и издалъ Н. Г. Мякушинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
1. Киргизъ-кайсаки	5
2. Командировки и набѣги казаковъ	10
3. Секретная экспедиція	11
4. Выборъ пути слѣдованія	12
5. Составъ экспедиціоннаго отряда	13
6. Сборный пунктъ для полка и отряда	16
7. Выступленіе изъ г. Гурьева и слѣдованіе по ледяной поверхности моря	17
8. Отломъ	19
9. Критическое положеніе находящихся въ относъ	20
10. На сушѣ	24
11. Набѣгъ въ разбойничій аулъ	26
12. Возвращеніе изъ набѣга	29
13. Награды	„
14. Заключеніе	31
15. Источники	33

